

Олег Сеницын

Под звуки музыки

Олег СИНИЦЫН

Под звуки музыки

«Автор»

Синицын О. Г.

Под звуки музыки / О. Г. Синицын — «Автор»,

© Синицын О. Г.

© Автор

Содержание

Ad symphoniam1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Олег Сеницын

Ad symphoniam¹

Непонятную музыку Глеб услышал, когда невысокий мужчина с будто обрубленным лицом и в дубленке нараспашку, из-под которой виднелся галстук, наконец лениво поинтересовался, сколько стоят его работы. Редкие снежинки задумчиво падали в вечернем морозном воздухе, образуя на рамах картин «соляные» горки. Глеб периодически смахивал их рукавом.

Музыка появилась и пропала. Словно открыли и закрыли дверь в помещении, где она звучала.

– Простите, что вы сказали? – растерялся Королев, обращаясь к мужчине в дубленке.

Тот махнул рукой. Забудь. Ерунда все это. Был порыв, но исчез. Растаял, словно снежинка на горячей ладони... И мужчина пошел дальше вдоль торгового ряда, оставив после себя аромат дорогого одеколona.

– Растяпа ты! – пробормотал Ефимыч, художественный ряд которого был выставлен слева. Его сочные сибирские пейзажи продавались. Сегодня уже один ушел. – Если покупатель проявил интерес, его надобно хватать за грудки и тыкать носом в полотно, объясняя, что ты – новый Пикассо. А ты о чем думаешь?

Глеб не ответил. Поднес ко рту заочеченные ладони, пытаясь согреть их дыханием. К вечеру мороз крепчал, и он, в своем тонком пальто, рисковал подхватить воспаление легких...

В этот момент до Королева вновь донеслась странная музыка. Она была тихой и раздавалась из-за длинного забора трикотажной фабрики, вдоль которого расположился торговый ряд – южане с цветами, бабульки с семечками, коротышка с небольшими черно-белыми телевизорами и вот они, невостребованные мастера кисти и масляных красок... Глеб услышал далекий вой духовых, звон тарелок, отчетливые удары барабана. Музыка казалась немелодичной – так, разрозненный набор звуков. Однако, ритм в ней присутствовал и ощущалась непонятная гармония.

Она звучала лишь несколько секунд, потом растворилась.

– Вы слышали? – удивленно спросил Королев.

– Что? – не отозвался, а скорее прокряхтел Ефимыч.

– Музыку... Странную такую.

– Я слышал много музыки, – ответил Ефимыч, дохнув на коллегу запахами дешевой водки и маринованного огурца, отчего Глебу захотелось зажать нос. – Но музыка не помогает мне справиться с болью сердечной, которая охватывает меня, когда я вижу разлагающийся мир вокруг... Только вот это помогает. – Он наполовину вытащил из кармана широченной дубленки четвертушку "Столичной".

– Нет, я спрашиваю вас о музыке, которая играла только что...

Ефимыч посмотрел на Глеба оловянными глазами.

– Разлагающийся мир, – повторил он.

Глеб вздохнул.

В этот вечер музыки он больше не слышал. В этот вечер перед Глебом возник вопрос, что приобрести на скудные деньги, оставшиеся от пособия по безработице. Он долго топтался перед продуктовым магазином, затем решился, вошел и купил два килограммовых пакета риса. На этом рационе уроженца китайской провинции он должен прожить до следующего месяца.

"Нужно обязательно продать хотя бы один холст, – думал Королев. – Обязательно в течение этой недели, иначе мне придется туго".

¹ Под звуки музыки (лат.)

Следующий день выдался морозным, и единственное, чего хотелось людям на улицах, как можно скорее оказаться в теплом месте. Продажа шла из рук вон плохо. Свернулись бабульки с семечками, коротышка-телевизионщик пришел, но не рискнул включить свою технику, южане с цветами не появлялись вообще. Ефимыч стоял насмерть, согревая огненной водой тело и душу. Ютясь рядом, Глеб размышлял об увлечении людей топить свои беды в алкоголе. Не то, чтобы у него не было бед. Он не принимал это как метод.

...После двух изнуряющих дней морозы ушли, и Королеву наконец удалось продать одну из картин. Размазанные по полотну сине-зеленые пятна привлекли внимание одной подвыпившей дамы в песчовой шубке.

– "Земля и небо", – представил Глеб.

Дама скрестила на груди руки и с видом надравшегося эстета, покачиваясь, вглядывалась в мазки.

– И что тут где? – поинтересовалась она.

Глеб хотел объяснить, что представление земли на картине не совсем традиционно. Он есть, ее нужно искать в небесах, на островках между облаками... Вряд ли с таким объяснением он продал бы картину. Но тут влез Ефимыч.

– Вы что, не видите землю? – хрипло спросил он даму. – Надо же абстракционироваться!

Домой Глеб спешил переполняемый радостью. Две сотенные купюры в кошельке позволяли дотянуть до пособия. Пробираясь по темной улице, он вновь услышал музыку. Странную такую. словно банда умалишенных стащила оркестровую утварь и пыталась ею воспользоваться... Он совершенно забыл про нее.

Глеб остановился, вертя головой в поисках источника. Ветер раскачивал провисшие электрические провода. В многосемейном бревенчатом доме, возле которого он остановился, горели несколько окон, но Глебу почему-то казалось, что музыка раздавалась не из него.

Тогда откуда?

Она прекратилась так же внезапно, как и началась. Духовые оборвали гудение на середине ноты, тарелки словно накрыли одеялом.

– Эй, дядя! – раздался из-за спины ломающийся юношеский голос. – Закурить не найдется?

Глеб поставил на снег большой чемодан, найденный на свалке и приспособленный для картин, повернулся. Перед ним стояли двое подростков из бедных кварталов. Оба в кожаных куртках, без шапок, с дебилно оттопыренными нижними губами... Хотя, какие подростки! Каждый выше Глеба. Подростки-переростки.

– Я не курю.

– Тогда, может деньги есть? – невинно поинтересовался один из них.

Его нехотя попинали, скорее отдавая дань традиции, нежели желая изувечить; отобрали кошелек с деньгами за проданную картину. Схватились за чемодан, но тот неожиданно раскрылся. На снег вывалились полотна.

– Ты чего, дядя – художник? – недоуменно воскликнул один из отроков. – Ну и дерьмо твои картины! Ничего же не понятно!

Глеб счел разумным не вступать в дискуссию с новоявленными критиками. Видит бог, ему бы еще добавили. Сплевывая кровь, он собрал картины и поплелся домой. Возле многоэтажки случилась еще одна неприятность. Глеб провалился в заваленную снегом Гагаринскую канаву – длинный ров, уходящий в пустырь метров на двести.

– Когда же ее закопают! – отрешенно пробормотал он.

Эта реплика у обитателей их блочного дома давно превратилась в присказку, произносимую почти неосознанно. Выбравшись из канавы, Королев долго смотрел на бельевую веревку, на которой раскачивались замороженные простыни, похожие на асбестовые листы.

На следующий день в торговом ряду он спросил у Ефимыча:

– Вы не думали о том, чтобы переехать куда-нибудь? Быть может, где-то лучше, чем здесь.

– А где? – Ефимыч перевел тяжелый мутноватый взгляд на Глеба. – Куда переехать? В столицу? Там такими бомжами, вроде нас с тобой, все вокзалы забиты.

– Нет, не в Москву. – Глеб обвел невидящим взором улицу. – Я не знаю... За границу?

– Что там без денег делать-то?.. А с деньгами и здесь можно жить... – Он едва заметно вздохнул. – Нет смысла нам с тобой, Глебушка, ехать куда-то. Наша стезя – рисовать картины. Пусть не гениальные, но это занятие близкое нашей горемычной душе. Бог позволил нам жить этим, и на том спасибо.

Философия Ефимыча, такого же детдомовца, как и он, была грустной, обреченной, но справедливой. Глеб понимал это. Но чем больше думал об этом, тем больше ему хотелось вырваться из болота.

Через день после разговора, вынося поздно вечером мусор, он опять услышал музыку. Странную, загадочную, ни на что не похожую. Королев замер перед ржавым мусорным контейнером. Музыка раздавалась из-за дощатого покосившегося забора. Как и прежде, она поиграла несколько секунд и растворилась. Кто-то явно издевался над Глебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.